

В. И. Козлов

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ И ЕЕ МЕСТО В ТЕОРИИ ЭТНОСА

Среди широкого круга вопросов, разрабатываемых в последнее время в рамках теории этноса (этнической общности), важное место занимают проблемы, связанные с этническим (или, как его часто называют применительно к развитым народам, национальным) *самосознанием*, под которым нами понимается главным образом сознание принадлежности к определенному народу. По отдельным из этих вопросов, в частности о содержании понятия «этническое самосознание» и об относительно самостоятельной его роли при определении общего понятия этноса или его частных типов, в том числе нации, до сих пор существуют разногласия. Чтобы лучше понять сложившуюся в настоящее время в данной области исследований ситуацию, целесообразно начать с краткой истории вопроса.

Отметим сразу, что этническое самосознание уже более 100 лет считается основным признаком для определения национальной принадлежности людей в переписях населения; это было обусловлено развитием этнической статистики, которое в свою очередь диктовалось потребностями жизни, определялось важностью национального вопроса во многих странах мира. Правда, в первой половине XIX в. среди европейских ученых еще господствовало представление о тождестве национальной и языковой принадлежности, поэтому национальный состав определялся главным образом в соответствии с языковым составом. Однако уже первые переписи населения, включившие в свою программу вопрос о языке (перепись 1846 г. в Бельгии — вопрос о разговорном языке, перепись 1856 г. в Пруссии — вопрос о родном языке и т. д.), выявили недостаточность этого признака для установления национального состава населения. Действительно, человек, назвавший, например, своим родным (а тем более разговорным) языком английский язык, мог оказаться и англичанином, и шотландцем, и ирландцем, и американцем, и представителем какого-нибудь другого этноса, подвергнувшись языковой ассимиляции со стороны англоязычного населения.

Ф. Энгельс в своих работах по национальному вопросу уделил проблеме соотношения национальной и языка большое внимание. В статье «По и Рейн» он указывает, что действительные границы наций «определяются языком и общностью симпатий»¹, понимая под «общностью симпатий», как это ясно из контекста, чувство национального единения, т. е. национальное самосознание. Вместе с тем в других произведениях Энгельса приведены многочисленные случаи несовпадения национальной и языковой принадлежности. Так, анализируя национальную ориентацию населения на границе между близкими в языковом отношении народами — французами и итальянцами, он приходит к выводу, что «народ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 281.

ный язык в этом случае не может служить критерием для решения вопроса о национальности»². В письме к К. Марксу от 2 ноября 1864 г., описывая свое путешествие по Шлезвигу, где соседствовали немцы и датчане, Ф. Энгельс вновь подчеркивает очень своеобразное и неоднозначное взаимоотношение разговорного языка и национальности³.

Состоявшийся в 1872 г. в Петербурге Международный статистический конгресс пришел к заключению, что национальная принадлежность не тождественна языковой и что ее определение должно основываться на самосознании опрашиваемых лиц. В подтверждение правильности такого принципа известный русский историк и публицист В. В. Водовозов писал: «Если человек считает себя поляком, значит, он поляк, хотя бы он не был католиком, хотя бы он был оторван от польской территории и хотя бы даже он забыл свой язык (в этом последнем случае, однако, он по большей части себя поляком считать не будет). Если человек, происходящий от польских родителей, отказывается от наименования поляка, то, хотя бы он был католиком, хотя бы он жил в Польше, его все же не следует считать за поляка. Таков единственный рациональный принцип, которого следовало бы держаться и при статистических вычислениях национального состава данного государства, и при создании разных культурных учреждений (школ, академий и т. д.) для отдельных национальностей»⁴.

Рекомендации Петербургского международного статистического конгресса были практически воплощены в жизнь лишь после первой мировой войны, когда в Советской России (1920 г.), в Венгрии (1920 г.), а затем и в ряде других стран были проведены переписи населения, в программу которых был включен относимый к самосознанию вопрос о национальности (народности) либо в сочетании с вопросом о родном языке, либо как единственный этнический определитель. Советские переписи населения 1926, 1939, 1959, 1970 гг. содержали оба эти вопроса, причем определение национальной принадлежности основывалось в них именно на вопросе о национальности (в 1926 г.—«народности»), а вопрос о родном языке имел вспомогательное значение. Материалы этих переписей населения говорят о том, что случаи несовпадения национальной принадлежности и языка имеют массовый характер. По данным переписи 1959 г. около 12 млн., а по переписи 1970 г. около 15 млн. жителей СССР показали своим родным языком язык другой национальности. Приведенные цифры характеризуют, как правило, не двуязычие, имеющее во много раз большие размеры, а именно изменение прежнего родного языка при сохранении, однако, прежней национальной принадлежности. Аналогичные случаи так называемой языковой ассимиляции наблюдаются и в других многонациональных странах земного шара⁵.

Закрепление в нашей литературе широко известного определения нации И. В. Сталиным на основе четырех признаков, в число которых не был включен признак национального самосознания, привело к тому, что широкое употребление этого признака на практике — в переписях и других формах массового учета населения — не подкреплялось его теоретическим осмыслением и обоснованием. Образовавшийся разрыв между теорией и практикой ликвидировался медленно, главным образом усилиями этнографов. В 1949 г. появилась статья П. И. Кушнера о значении национального самосознания как этнического определителя⁶, а в

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 13, стр. 620.

³ Там же, т. 31, стр. 5.

⁴ В. Водовозов, Национальность и государство, в сб. «Формы национального движения в современных государствах», СПб., 1910, стр. 732.

⁵ Подробнее о соотношении национальной принадлежности и языка см. В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 82—88, 331—339.

⁶ П. И. Кушнер, Национальное самосознание как этнический определитель. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. 6, М., 1949.

1951 г. — его монография «Этнические территории и этнические границы», в которой было уделено внимание и исторической эволюции форм этнического самосознания — от племенного до национального самосознания⁷. Национальное самосознание еще не вводится в научное определение понятия нации, но И. И. Потехин, характеризуя сложение национальной общности у южноафриканских банту, уже рассматривает его на равных правах со считавшимися обязательными четырьмя признаками нации: общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры⁸. Некоторые философы в работах по национальному вопросу и теории нации обратили внимание на роль «национального сознания»⁹, однако содержание этого понятия не было по существу раскрыто и не было соотнесено с уже достаточно установившимся в это время в этнографии понятием национального самосознания. Это упущение, как будет показано далее, породило нежелательный терминологическо-понятийный диссонанс.

Начатая П. И. Кушнером теоретическая разработка признака национального самосознания как основного этнического определителя была продолжена в опубликованном в 1962 г. обобщающем этностатистическом труде «Численность и расселение народов мира»¹⁰. Вскоре после этого, в 1964 г., появилась статья С. А. Токарева, в которой была сделана, в частности, попытка дать определение этнической общности¹¹, которая, по нашему мнению, оказалась не вполне удачной, но в целом данная статья дала заметный толчок разработке теории этноса (этнической общности). Уже в первых работах по этому вопросу, опубликованных в журнале «Советская этнография», была подчеркнута необходимость включения в полное определение понятия этнической общности признака этнического самосознания. Аргументация, приведенная тогда в моей статье¹², будет более полно развернута далее. Пока же отметим, что сделанный мною вывод был в целом поддержан Н. Н. Чебоксаровым. Рассмотрев обычно применявшиеся для определения понятия народа (этнической общности) признаки (язык, территория, культура и др.), Н. Н. Чебоксаров пишет: «Взаимодействие этих признаков, их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности выражается в виде вторичного явления — этнического самосознания, которое в конечном счете оказывается решающим для определения принадлежности отдельных людей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности. Этническое самосознание представляет собой своего рода результанту действия всех основных факторов, формирующих этническую общность. Самосознание, как правило, связывается с соответствующим названием этнической общности. В демографической и паспортной практике нашей страны такое этническое имя обычно обозначают как национальность»¹³. К выводу о необходимости применения к понятию этнической общности признака этнического (национального) самосознания пришел и Г. В. Шелепов¹⁴.

⁷ П. И. Кушнер (Кнышев), Этнические территории и этнические границы, М., 1951, стр. 42—48.

⁸ И. И. Потехин, Формирование национальной общности южноафриканских банту, М., 1955, гл. 12.— «Национальное самосознание».

⁹ А. С. Богдасаров, Разработка В. И. Лениным национального вопроса в годы нового революционного подъема, М., 1956, стр. 31, 38.

¹⁰ «Численность и расселение народов мира», под ред. С. И. Брука, М., 1962, стр. 46—49.

¹¹ С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии), «Вопросы философии», 1964, № 11.

¹² В. И. Козлов, О понятии этнической общности, «Сов. этнография», 1967, № 2.

¹³ Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, «Сов. этнография», 1967, № 4.

¹⁴ Г. В. Шелепов, Общность происхождения — признак этнической общности, «Сов. этнография», 1968, № 4.

Почти одновременно с разработкой теории этноса, главным образом на страницах журнала «Вопросы истории» и в основном силами филологов, была развернута дискуссия вокруг определения понятия нации. В ходе этой дискуссии были в той или иной степени рассмотрены и вопросы, связанные с включением в понятие нации признака национального самосознания. К сожалению, некоторые участники дискуссии, в отступление от уже сложившейся практики использования термина «национальное самосознание», стали «переосмысливать» его и трактовать расширительно, как «самосознание нации» и «национальное сознание», вводя в него тем самым существенное идеологическое, классово-политическое содержание. Эта тенденция отчетливо проявилась уже в первой из опубликованных статей, авторы которой, П. М. Рогачев и М. А. Свердлин, рассматривали «национальное самосознание» как «элемент идеологии» и включали в него не только «сознание национальной принадлежности», но и «приверженность к национальным ценностям, чувство национальной гордости и сознание общности интересов в освободительной борьбе», а также «то или иное отношение к другим нациям». Для определения понятия нации они предложили использовать лишь признак «сознания этнической принадлежности».

При дальнейшем обсуждении проблемы национального самосознания устранить понятийную несогласованность так и не удалось. Правда, М. С. Джунусов, высказавшийся за включение в определение нации признака национального самосознания, употреблял этот термин уже в том же смысле, как этнографы и этностатистики. С. Т. Калтахчян указал на отличие «национального самосознания» от «национального сознания». Однако А. Г. Агаев, например, вновь трактовал «этническое самосознание», как тождественное «этническому сознанию», а «национальное самосознание» — «национальному сознанию», отметив, в частности, противоречивое проявление национального самосознания у буржуазии и пролетариата и подчинение национального сознания классовому. Были, наконец, и отдельные попытки полного отрицания значения национального самосознания. Так, И. П. Цамерян писал, например, что «нельзя субъективное отражение (элемент сознания) превращать в один из основных признаков отражаемого объекта (нации)»¹⁵.

Дискуссии способствовали оживлению научной мысли и переходу к крупным монографическим исследованиям. Из числа последних следует отметить прежде всего вышедшую в 1969 г. монографию С. Т. Калтахчяна о сущности нации, в которой были более развернуто высказаны его взгляды на национальное самосознание как на «реальность». Автор вновь выразил свою солидарность с этнографами, считающими «самосознание этнической принадлежности... одним из важных показателей, признаков нации», а также свое несогласие с теми авторами, которые понимают «национальное самосознание» как «национальное сознание» и «общность психического склада нации»¹⁶. В вышедшей в том же году нашей работе, основанной главным образом на материалах этнической статистики, было уделено значительное внимание этническому (национальному) самосознанию как важному признаку этнической общности, находящему широкое применение на практике¹⁷.

Тем не менее разногласия по проблеме национального самосознания еще сохранялись. В статье, заключающей дискуссию на страницах жур-

¹⁵ П. М. Рогачев, М. А. Свердлин, О понятии «нация», «Вопросы истории», 1966, № 1, стр. 38—39; М. С. Джунусов, Нация как социально-этническая общность людей, Там же, 1966, № 4; С. Т. Калтахчян, К вопросу о понятии «нация», Там же, 1966, № 6; А. Г. Агаев, Нация, ее сущность и самосознание, Там же, 1967, № 7, стр. 102—103; И. П. Цамерян, Актуальные вопросы марксистско-ленинской теории нации, Там же, 1967, № 6, стр. 111.

¹⁶ С. Т. Калтахчян, Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, М., 1969, стр. 262—263.

¹⁷ См. В. И. Козлов, Динамика численности народов, гл. 1.

нала «Вопросы истории», признак «самосознания этнической принадлежности» или национального самосознания был вновь отвергнут как «субъективный». При этом отмечалось, что в содержание понятия «национальное самосознание» в качестве его составного компонента наряду с идеологическим элементом включается и психологический — чувство национальной, этнической принадлежности. Этот психологический элемент национального самосознания входит в четвертый признак нации¹⁸. Как ни странно, но этот «окончательный» вывод о недопустимости использования в теории нации признака национального самосознания был сделан в то время, когда ЦСУ СССР уже опубликовало первые данные переписи населения 1970 г. о национальном составе СССР и численности живущих в нем наций и народностей, которые были получены, как и в предыдущих советских переписях, именно на основании признака национального самосознания¹⁹.

Терминологическо-понятийные разногласия, возникшие при обсуждении вопросов, связанных с этническим (национальным) самосознанием, и препятствовавшие устранению разрыва между «теорией» и «практикой», не сгладились и в последующие годы. Так, Н. Джандильдин отделил подобно П. М. Рогачеву и М. А. Свердлину понятие «национальное самосознание» от «сознания этнической принадлежности», но в отличие от них резко возражал против включения последнего в число признаков нации. «Сознание человеком своей принадлежности к какой-либо организации, общности людей, если он действительно принадлежит ей, — глубокомысленно замечает автор, — возникает аналогично тому, как появление новой реальности, скажем, космодрома, влечет за собой и появление в языке каждой нации нового слова для ее выражения. Было бы смешно слово «космодром» возводить в ранг одного из существенных признаков того реального сооружения, которое предназначено для запуска космических устройств»²⁰. Национальное самосознание рассматривалось как часть «национальной психологии» и понималось как «познание нацией своей собственной социально-этнической сущности, осознание ею того, какое место и положение она занимает или может занимать в системе межнациональных отношений, какую действительную роль она сыграла или в потенции может играть в истории человечества, а также сознание своего естественно-исторического права на свободное, независимое существование...»²¹.

Значительное внимание этническому (национальному) самосознанию уделено в монографии Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография». В ней, в частности, отмечена ошибочность выводов упомянутой выше итоговой статьи по дискуссии о понятии нации и поддерживаются те ученые, которые высказываются за включение национального самосознания в число признаков нации. Этническое самосознание характеризуется здесь как важный «компонент» и «непременное условие функционирования каждого этноса»²². Вместе с тем указывается, что «нет оснований сводить этническое (национальное) самосознание лишь к осознанию этнической (национальной) принадлежности... Этническое самосознание включает суждения членов этноса о характере действий своей общности, ее свойствах и достижениях... Эти суждения неразрывно связаны с представлениями о других этносах...»²³. Таким образом, понятие этнического (национального) самосознания несколько расширяется, хотя и не смыка-

¹⁸ «К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации», «Вопросы истории», 1970, № 8, стр. 95.

¹⁹ См. С. И. Брук, В. И. Козлов, Вопросы о национальности и языке в предстоящей переписи населения, «Вестник статистики», 1968, № 3.

²⁰ Н. Джандильдин, Природа национальной психологии, Алма-Ата 1971, стр. 127.

²¹ Там же, стр. 129.

²² Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973, стр. 98.

²³ Там же, стр. 97.

ется, как у некоторых философов, с понятием «этнического (национального) сознания».

Из изложенного выше достаточно ясно, что решение вопроса о сущности этнического (национального) самосознания и определение его места в теории этноса (этнической общности) требует предварительного уточнения терминологическо-понятийного аппарата. Отметим прежде всего, что в рассуждениях тех авторов, которые понимают этническое (национальное) самосознание в расширительном смысле, есть своя логика. Действительно, если обратиться, например, к «Философской энциклопедии», то смысл слова «самосознание» раскрывается именно как осознание человеком своих действий, чувств, мыслей, мотивов поведения и т. д. Однако такая логика носит несколько абстрактный характер: она совершенно не учитывает уже давно сложившееся и ставшее традиционным в этнографической и статистической литературе понимание этнического (национального) самосознания в его узком смысле — как осознание людьми своей этнической (национальной) принадлежности. Попытки изменить содержание уже широко употребляемого в определенном смысле термина обычно (и особенно в общественных науках) приводят лишь к тому, что терминологическо-понятийный аппарат превращается из важного инструмента научного познания в препятствие для научного исследования. Никто, кажется, не «переосмысливает», например, «национальный округ» как «округ нации», а тем более как «окружающая местность нации», ссылаясь на словари русского языка. Зачем же толковать «национальное самосознание» как «самосознание нации», вводить в его смысловое содержание политико-классовые элементы и отождествлять его с «национальным сознанием»?

Принимая термин «этническое самосознание» в его первоначальном и установившемся в этностатистической литературе смысле, уместно отметить все приведенные выше расширительные включения в него к сфере этнического (национального) *сознания*, которое может быть направлено как внутрь этноса (нации), на осознание этнического (национального) бытия, исторических судеб народа и т. д., так и вне его — на межэтнические контакты. Можно лишь согласиться с М. И. Куличенко, когда под национальным сознанием, он понимает «отражение в общественном сознании бытия наций и национальных отношений вообще» и далее пишет: «Структура этого отражения изучена еще недостаточно. Ясно все же, что ее нельзя сводить только к национальному самосознанию. Нация как общность, подобно классу, имеет не только самосознание, но и сознание. Оно является той частью общественного сознания, в которой отражается как осознание нацией всей совокупности социального и этнического во внутринациональных связях, в том числе в национальной психологии, так и понимание всей сферы межнациональных отношений. При этом национальное сознание носит классовый характер»²⁴.

В задачу данной статьи не входит разработка чрезвычайно сложной и до сих пор мало затронутой исследователями проблемы этнического (национального) сознания и установление ее места в общей теории этноса. Отметим лишь, что национальное сознание вряд ли может выступать в качестве признака нации, а тем более в качестве важного условия существования и развития нации, ибо оно не столько объединяет членов нации в единую общность, сколько разъединяет их. Пожалуй, только в представлениях последователей спенсеровской «органической теории общества» национальное сознание как функция высших слоев, образующих «мозг нации», может быть «общим». В действительности же оно является социально (прежде всего классово-политически) разнородным. Пролетарий может совершенно иначе, чем буржуа, осознавать место,

²⁴ М. И. Куличенко, Национальные отношения в СССР и тенденции их развития, М., 1972, стр. 44.

занимаемое его нацией «в системе межнациональных отношений»; крестьянин и чиновник могут иметь различные установки на межнациональные контакты и т. д. Мы уже указывали, что наличие социальнo-классовых элементов идеологии в содержании понятия так называемого «психического склада» нации делает весьма проблематичным использование его в качестве признака нации²⁵. В национальном же сознании такие элементы имеют во много раз больший удельный вес.

В отличие от понятий «этнического сознания» и «психического склада» этническое самосознание в принятом нами значении этого термина не имеет разъединяющих элементов, что и позволяет ему играть этнообъединяющую роль. В этом качестве оно выступает как относительно самостоятельное явление по отношению к «национальному сознанию» и тем более по отношению к «психическому складу нации», в состав которого его безосновательно включили авторы итоговой статьи по дискуссии об определении понятия «нация». Русский крестьянин и рабочий, русский чиновник и капиталист имели различную идеологию и зачастую различный психический склад, но все они считали себя «русскими» — членами одного русского народа, русской нации. Нет оснований и для того, чтобы рассматривать национальное самосознание в виде составного элемента «национальной психологии» вообще, как это делает Н. Джандильдин; если все, что отражается в сознании, включать в психологию, то с неменьшим «основанием» ее частями пришлось бы считать и идеологию, и искусство, и многое другое.

Предложенное Н. Джандильдиным сравнение нации с космодромом, а сознания этнической принадлежности с названием космодрома, к сожалению, создает совершенно превратное представление о социологическом значении национального самосознания. Между тем это значение очень велико. Пользуясь различными так называемыми «объективными» признаками или комбинируя их, можно разнообразно классифицировать и группировать людей, но далеко не каждая такая группировка действительно представляет собой отдельный социальный организм. Так, применяя лингвистический, антропологический и психологический признаки, можно выделить, например, «англоязычных длинноголовых сангвиников»; за такой группировкой стоят вполне реальные люди, но сами они вряд ли догадаются о существовании подобной группировки, и вряд ли кто из социологов назовет ее «общностью». Для того чтобы выделенные по каким-то признакам люди стали активно проявлять себя общностью в социологическом значении данного термина, необходим такой «соединитель», как осознание ими своей принадлежности к этой общности.

Можно называть этот признак «субъективным», однако его объективное значение от этого не уменьшается. Такова уж сущность человека, что условия материальной жизни и другие объективные факторы могут вызывать те или иные общественные явления, только пройдя через сознание людей, отразившись в нем в виде каких-то представлений. Историческая закономерность возникает в результате диалектического взаимодействия объективных условий и субъективного фактора²⁶. Все социальные организмы характеризуются определенным самосознанием входящих в них людей, в противном случае они перестают проявлять себя как социальный коллектив, как субъект исторического процесса. Для человека как существа социального, сформировавшегося только в органической связи со становлением человеческого общества и по существу повторяющего свою социализацию в ходе и в результате социализации каждого нового поколения, осознание своей принадлежности к широкому кругу лиц — не только естественное, но, как правило, и необ-

²⁵ См. В. И. Козлов, Г. В. Шелепов, «Национальный характер» и проблемы его исследования, «Сов. этнография», 1973, № 2.

²⁶ Б. А. Чагин, Ленин о роли субъективного фактора в истории, Л., 1967, стр. 23 и др.

ходимое чувство, дающее ему уверенность в жизни, оправдывающее само его существование на земле. Это полностью относится и к этническим общностям, которые возникли ранее многих других общностей людей, еще на заре человеческой истории, как необходимая форма жизни и форма групповой борьбы за существование. Материальная база, на которой формируется этническое самосознание, как будет показано ниже, ничуть не менее реальна, чем у других явлений, относимых обычно к так называемым надстроечным формам.

Этническое самосознание фиксируется главным образом в форме конкретного названия того или иного народа, т. е. этнонима. Ю. В. Бромлей пишет: «Обычно определение людьми на уровне обыденного сознания своей принадлежности к тому или иному этносу выражается в выборе ими такого его внешнего признака, как наименование. Само наличие такого наименования — этнонима — свидетельствует об осознанности членами этноса их особого единства и отличия от членов других подобных общностей. Для каждого из таких единств, больших и малых, наименование является фактором, объединяющим внутри и различающим вовне... Символизируя в целом этнос, этноним обычно выступает одним из наиболее наглядных этнических признаков»²⁷.

Бывает, что один и тот же этнос помимо этнонима — самоназвания имеет и другие наименования, данные ему, например, соседями; один и тот же этноним иногда употребляется для обозначения нескольких разных этносов²⁸. Это, однако, не нарушает этнообъединяющего значения этнонима, хотя его этноразделительная роль уменьшается.

Происхождение этнонимов очень разнообразно. Так, анализируя процессы этнической консолидации, т. е. объединения нескольких ранее самостоятельных этнических общностей (или их крупных частей) в единый народ, можно установить, что название новой общности бралось либо по этнониму наиболее значительного из вошедших в нее компонентов (например, «чехи» по племени «чехов»), либо по названию группы, проведшей такое объединение (например, «болгары»). Нередко этноним восходит к названию области (украинцы) или к имени правителя (узбеки), наименованию государства (испанцы) и т. д.; иногда он сознательно выбирался уже сравнительно сложившимся народом. Так, племена «минусинских татар» (качинцы, кызыльцы, сагайцы и др.), консолидировавшиеся в годы советской власти в единый народ, приняли для своего обозначения название их давнего этнического субстрата — древних енисейских киргизов — «хакасы»²⁹.

При изучении этнических процессов консолидации и ассимиляции изменение этнического самосознания, а вместе с ним и применяемого ранее этнонима обычно считают завершающей стадией этих процессов; такое изменение этнической (национальной) принадлежности отражается на данных переписей и других форм статистического учета населения по признаку «национальности»³⁰. Конечно, в отличие от этнического самосознания, которое может быть отчетливым и не вполне отчетливым, сопрягаясь то с одной, то с другой стороной этнической трансформации (изменением элементов материальной или духовной культуры, языка и т. п.), этноним сам по себе представляется довольно грубым индикатором этнических процессов, но все же этнонимическая ситуация может отражать этническую ситуацию. Так, М. Г. Вахабов, характеризуя национальную консолидацию узбеков, пишет, что в первые годы советской власти «встречались родоплеменные объединения, еще не определившие

²⁷ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 98.

²⁸ О некоторых таких случаях см. Л. Н. Гумилев, О термине «этнос», «Доклады отделений и комиссий Геогр. о-ва СССР», вып. 3, Л., 1967, стр. 8—10.

²⁹ См. также Я. В. Чеснов, Название народа: откуда оно? «Сов. этнография», 1973, № 6.

³⁰ Подробнее об этом см. В. И. Козлов, Динамика численности народов, гл. 3.

своего национального названия... Под названием „курама“ было известно население, принявшее хозяйственный уклад узбеков и разговорную речь казахов. „Сартами“ именовали городских узбеков и таджиков... В годы советской власти росло национальное самосознание всех групп узбеков. Теперь, называя себя узбеками, они чувствовали себя составной частью единой узбекской нации, а родо-племенная принадлежность их значительно отодвинулась, играя роль лишь „адреса“»³¹.

Некоторые авторы пишут о якобы существующей большой вариативности этнического самосознания и его отражения в этнонимах, что затрудняет использование его в качестве этнического определителя; Л. Н. Гумилев, например, представляет случай с казанским татаринцом, который по приезде в Западную Европу или Китай станет якобы называть себя русским, а по приезде на Новую Гвинею — европейцем³². Такой случай маловероятен, но можно допустить, что белорус, например, в Алжире назовет себя русским: это связано не с вариативностью его самосознания, а лишь с опасением, что алжирцы не слыхали о белорусах. Если же перейти от единичных случаев и досужих рассуждений и фантазий к реальным массовым фактам, то можно отметить, например, что в действительности еще несколько десятилетий тому назад довольно крупные группы татароязычного населения Поволжья называли себя не татарами, а мишарями и кряшенами³³. Известно также, что некоторые группы белорусов именовали себя пинчуками, полешуками и даже поляками. Однако эти факты, отражающие этническую «иерархию», несколько не подрывают этноопределяющей роли этнического самосознания и этнонимов; они свидетельствуют о том, что у татар и белорусов в то время еще не завершились процессы национальной консолидации.

Этническое самосознание возникает и развивается вместе с самой этнической общностью, проходя различные исторические стадии — от племенной до национальной, — и проявляется у разных групп людей с различной степенью: от слабо осознанной принадлежности к своему народу, нередко отнесяемого на задний план чувством принадлежности к другим общностям (религиозной, соседско-территориальной и т. д.), до сильно развитого национального чувства, заставляющего членов нации связывать свои личные судьбы с судьбой нации, подчинять свои частные интересы общим национальным интересам и даже жертвовать жизнью во имя этих интересов.

Этническое самосознание не является врожденным; оно формируется вместе с личностью человека, в процессе выработки основных социальных ориентаций под влиянием ряда факторов. К числу таких факторов относится прежде всего конкретная этническая среда, в которой вырастает человек (этническая принадлежность родителей, соседей, друзей и т. п.), а также бытующие этно-культурные традиции и фактическая этно-социальная (в том числе национально-политическая) ситуация, заставляющие, например, детей от межэтнических браков выбирать национальную принадлежность одного из родителей, а этнические меньшинства переходить на ориентацию национального большинства; немаловажную роль в этом отношении играют и национально-ориентированные средства массовой информации. Поскольку этническое самосознание существует не изолированно, а наряду с другими видами группового самосознания (классово-профессиональным, политико-государственным, религиозно-кастовым, расовым и др.), постольку оно подвергается их воздействию и в свою очередь воздействует на них, создавая тем самым очень сложную картину социальной ориентации людей.

³¹ М. Г. Вахабов, О некоторых общих и специфических вопросах формирования узбекской социалистической нации, «Социалистические нации СССР», М., 1962, стр. 212, 220.

³² Л. Н. Гумилев, Указ. раб., стр. 4.

³³ Все эти группы были выделены переписью 1926 г. как отдельные «народности».

Граница между этническим самосознанием и другими видами самосознания, т. е. чувством принадлежности к другим реально существующим общностям, определяется в сознании людей тем, как они понимают сущность этих общностей. Детальное рассмотрение этого вопроса, особенно в той его части, которая касается представлений о соотношении этноса с близкими ему видами общностей людей — государственной, религиозной, расовой и др., — требует, вероятно, специальных социально-психологических исследований и выходит далеко за рамки данной статьи. Отметим лишь, что люди связывают обычно сущность и специфику различного вида общностей не с их научным определением, а с упрощенными, обыденными концепциями, в которых на первый план может выступать какой-то один аспект или элемент той или иной общности. И в то время как для членов любой религиозной общности таким элементом чаще всего бывает представление о существовании единого для всех них божественного покровителя, то для членов этнической общности, несомненно, важное значение имеет сознание общности происхождения.

По вопросу об общности происхождения и месте этого понятия в теории этноса в нашей литературе высказывались различные мнения. С. А. Токарев считает, что общность происхождения «была, несомненно, одним из важных компонентов этнической общности на самых ранних ступенях развития человечества, при общинно-родовом обществе». Но «для современных нам этнических общностей единство происхождения лишь в редких случаях имеет какое-либо значение»³⁴. Г. В. Шелепов, напротив, пришел к выводу, что «общность происхождения во всех своих проявлениях, и в том числе в этническом самосознании, является очень важным и обязательным признаком любого этнического образования»³⁵.

Ю. В. Бромлей, рассмотрев этот вопрос, выделил в нем два основных аспекта: объективное существование общности происхождения и представление о существовании такой общности. Следует вполне согласиться с его выводом о том, что само по себе «кровное родство не может рассматриваться в качестве отличительной черты этноса». Что же касается понятия об общности происхождения, то оно, замечает Ю. В. Бромлей, «на уровне обыденного сознания» может интерпретироваться именно «как отдаленное, но все же кровное родство». Важным компонентом такого представления является идея об «определенной общности исторических судеб членов этноса на протяжении многих поколений». Ю. В. Бромлей заключает, что «представление об общности происхождения членов этноса и своеобразное отражение его объективных свойств, будучи двумя важнейшими составляющими этнического самосознания, находятся в тесном взаимодействии, контролируя и дополняя друг друга»³⁶.

Последний, в целом правильный вывод, требует некоторой конкретизации; особенно важно раскрыть, как своеобразно отражаются в самосознании объективные свойства этноса. При этом взаимодействие указанных выше двух важнейших частей этнического самосознания целесообразнее всего рассмотреть в историческом плане. Именно такой стадийный анализ развития этнического самосознания может создать базу и для определения особенностей национального самосознания по сравнению с предшествовавшими ему видами этнического самосознания.

Размеры статьи не позволяют нам остановиться подробно на особенностях формирования и эволюции этнического самосознания в доклассовом обществе. Отметим лишь, что на своей начальной племенной стадии этническое самосознание было особенно тесно связано с представлением об общности происхождения всех членов племени. Материальной

³⁴ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 45.

³⁵ Г. В. Шелепов, Указ. раб., стр. 73.

³⁶ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 103—105.

основой такого представления была эндогамность племен. Осмысливание внутриплеменного единства чаще всего сводилось к идее о существовании общего мифического предка; известно, что у некоторых народов на поздней стадии развития племенного строя кроме родовых тотемов появились и племенные тотемы³⁷.

Становление этнического самосознания в раннеклассовых формациях, на стадии формирования общностей нового типа, называемых обычно народностями, шло сложным путем, и многие связанные с этим процессом вопросы еще недостаточно освещены в научной литературе. Тема эта требует специального исследования, но все же, отвлекаясь от частных вопросов, можно предполагать, что с упадком племенной эндогамии и утратой целостности племенных территорий этническое самосознание лишилось важной объективной и субъективной базы, на которой формировалось представление об общности происхождения. Поэтому оно несколько ослабело.

В целом, как уже отмечалось нами³⁸, этническая картина рабовладельческой и феодальной эпох была довольно неустойчивой и изменчивой, хотя именно бурные события тех столетий и сложные этнические процессы, связанные с возникновением и распадом государств, с формированием племенных союзов и народностей, массовыми передвижениями и смешениями разноязычных групп населения, создали базу для сложения существующих ныне наций. Некоторая этническая неопределенность этого периода должна была неизбежно отразиться на этническом самосознании; известны многочисленные случаи, когда оно оттеснялось на задний план, например, религиозным самосознанием или близким к нему чувством преданности обожествленному монарху; широко бытовало областное, «земляческое» самосознание, связанное с местом жительства или с принадлежностью к определенному феодалу и т. д.

В эпоху формирования этнических общностей нового типа — наций, — относимую обычно к концу феодального и началу капиталистического периода, этническое самосознание обычно укреплялось. Концентрируя внимание именно на этом аспекте, следует подчеркнуть, что само по себе формирование нации было объективным естественноисторическим процессом, обусловленным преимуществами развития производства на базе национальной (прежде всего языково-территориальной) общности людей, в рамках уже возникших или возникавших национальных государств. «Образование национальных государств, — указывал В. И. Ленин, — наиболее удовлетворяющих... требованиям современного капитализма, является... тенденцией (стремлением) всякого национального движения»³⁹.

Очень важная роль государства в формировании и в оформлении наций, отразившаяся в столь распространенных случаях совпадения нации и государства, рассмотрена нами в специальной работе⁴⁰. Отметим, что государство занимает первостепенное место во всей системе надстройки буржуазного общества, а связанные с ним политические идеи (как прежде в феодальном обществе, религиозные идеи) оказывают сильнейшее влияние на все формы общественного сознания. Государство так или иначе объединяло вошедших в него людей, создавало базу для возникновения у них общности интересов, способствовало появлению идеи об общности их исторических судеб и т. д. Понятие об общности территории — этом существенном элементе нации — возникало обычно не столько в процессе повседневного общения людей, сколько в результате участия их в крупных политических и экономических мероприятиях

³⁷ См. С. А. Токарев, Ранние формы религии, М., 1964, стр. 53, 78.

³⁸ В. И. Козлов, Динамика численности народов, стр. 60—66.

³⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 259.

⁴⁰ См. В. И. Козлов, Нация и национальная государственность, в сб. «Вопросы марксистско-ленинской теории наций и национальных отношений», Пермь, 1972.

государства (войны против напавших на страну врагов, заселение слабоосвоенных областей и т. п.). Через систему образования и средства массовой информации (прежде всего печать) государство могло способствовать укоренению этих понятий и передаче их новому поколению. В национальных государствах национальное чувство обычно совпадало с чувством патриотизма, национальное самосознание — с подданством, и это совпадение является одной из отличительных особенностей национального самосознания. В многонациональных государствах укреплению национального самосознания способствует борьба народов за национально-государственное самоопределение.

Отметим также, что в отличие от феодальной эпохи, когда правящие классы стояли в культурном, а в некоторых случаях даже в этническом отношении как бы вне основной массы населения, со вступлением в буржуазную, более демократическую эпоху — в период формирования наций — положение изменилось. Процесс национальной консолидации выражался не только в политическом, экономическом и языково-культурном сплочении населения, но и в том, что господствующие слои (особенно это показательно для дворян, так как буржуа сами были в основном выходцами из народа) начинают отождествлять себя с основной массой своего народа — разумеется, преследуя при этом свои классовые интересы. Правящие классы, особенно буржуазия, стремятся представить себя «защитниками интересов нации», чтобы с помощью националистических лозунгов нивелировать растущий классовый антагонизм внутри нации и замаскировать эксплуатацию трудящихся. Тем не менее это чисто внешнее и весьма противоречивое социально-классовое «слияние» нации играет определенную роль в становлении национального самосознания.

Все сказанное не означает еще, что именно класс капиталистов играет главную роль в становлении национального самосознания. Конечно, буржуазия склонна звать к национальным чувствам, используя их например, в конкурентной борьбе, но она же довольно легко забывает о национальных интересах, если ей более выгодно вступить в сделку с инациональной буржуазией. Более видную роль в формировании национального самосознания играет национальная интеллигенция. Если буржуазия непосредственно связана с экономикой, которая сама по себе не разделяет, а все более сливает нации, то интеллигенция, во всяком случае значительная (прежде всего «гуманитарная») часть ее, тесно связана с языком и культурой, отражающими национальное своеобразие. Ратуя за развитие родного языка и литературы на этом языке и апеллируя к «народу» (обычно к крестьянству), интеллигенция тем самым служила общенациональным целям. Формирующееся под ее воздействием национальное самосознание при этом в той или иной степени абстрагируется от классовых противоречий в сфере экономики и опирается на общетнические элементы.

Очевидно, что установление национального самосознания было бы невозможным без усиления представлений об общности происхождения членов нации. Как бы для поддержания таких представлений все объективные компоненты нации при их «субъективизации» непременно окрашиваются родственными чувствами: «территория» выступает в виде «родной земли», «язык» — в виде «родного языка» и т. д. Возникает стремление отодвинуть происхождение своего народа как можно дальше в глубь истории, найти для него «именитых» этнических предков, оттенить «национальных врагов» и более выпукло показать «национальных героев» и т. п.

Повсеместно господствовавшая в феодальном обществе религия также начинает приспосабливаться к процессу формирования национального самосознания и в большинстве случаев как бы подчиняется ему. Это прослеживается не только у так называемых национальных религий, распространенных, как правило, только внутри того или иного этно-

са (например, синтоизм у японцев, сикхизм у пенджабцев и т. п.), но и у «мировых» религий, например в христианстве. Поль Лафарг писал: «Разделение народов на соперничающие друг с другом в промышленном и торговом отношении нации принуждает буржуазию разрезать своего единого бога на столько богов, сколько имеется наций»⁴¹. При исследовании начальных этапов процесса формирования наций иногда бывает довольно трудно отделить религиозные движения от движений национальных, а религиозное чувство от растущего национального самосознания; само развитие, например, протестантизма (реформации), одним из требований которого было богослужение на родном языке и перевод на родной язык всех церковных книг, было во многом связано с пробуждением национальных чувств. Наглядным примером связи между религиозными и национальными элементами являются воинские молебны, освящение знамен, церковные службы в национальные праздники, причисление национальных героев к числу святых и т. п.

Достигнув определенной стадии развития, этническое (национальное) самосознание подобно другим идеологическим формам приобретает известную самостоятельность. Оно, в частности, может сохраняться даже при территориальном и хозяйственно-культурном отрыве отдельных групп народа от основного этнического ядра и при утрате ими своего родного языка. Оно может расти под влиянием идей и в том случае, когда материальные предпосылки его, например территориальная или языковая общность нарушены, когда национальное государство прекратило свое существование и т. п. Этническое (национальное) самосознание может оказывать сильное обратное влияние на некогда породившие его факторы. Наглядным примером такого воздействия являются движения за воссоединение национальных территорий (например, у поляков в XIX — начале XX в.), движения за возрождение и развитие родного языка (например, у чехов в XIX в., у ирландцев в XIX—XX вв. и др.). Можно еще раз повторить, что в целом народы как особые общности людей реально проявляют себя лишь в тех случаях, когда у их членов развито этническое самосознание. Там же, где такое самосознание развито слабо, где складывающаяся национальная интеллигенция или политические деятели государств, в границах которых формируется нация, только пытаются пробудить его, само существование такой общности может быть поставлено под сомнение.

Большое значение этнического (национального) самосознания для возникновения и существования этнических общностей, в том числе наций, еще раз подтверждает уже отмеченную выше целесообразность учета его в определении понятия этих общностей.

Рассмотренные выше проблемы не исчерпывают всего круга вопросов о сущности этнического (национального) самосознания и его места в теории этноса. Нами не был полностью рассмотрен, в частности, вопрос о соотношении национального и классового самосознания, которые могут вступать в противоречие друг с другом, но могут и сильно сближаться, например в тех случаях, когда классовые противоречия по существу совпадают с национальными.

В заключение следует указать, что взрослые люди, вполне определившиеся в этническом отношении, в течение жизни обычно уже не меняют своей этнической (национальной) принадлежности. Изменение этнического самосознания в ходе этнических процессов происходит, как правило, в результате появления поколений с неустойчивым и затем с новым самосознанием. Сильное влияние на этот процесс оказывают смешанные в этническом отношении браки, потомство от которых с самого начала имеет как бы раздвоенное этническое самосознание. За последние годы в советской этнографической науке повысилось внимание к процессам

⁴¹ П. Лафарг, Вера в бога, Пг., 1918, стр. 34—35.

этнической трансформации, однако многие проблемы, особенно те из них, которые связаны с исследованием изменения национального самосознания при развитии процессов сближения и слияния наций, разработаны пока еще очень слабо. Немаловажное значение для развития таких исследований должны иметь специальные конкретно-социологические обследования в различных национальных районах СССР.

THE PROBLEM OF ETHNIC SELF-CONSCIOUSNESS AND ITS PLACE IN THE THEORY OF THE ETHNOS

For over a hundred years ethnic (or «national» where modern peoples are concerned) self-consciousness has been recognized in practice as the main criterion for determining ethnic affiliation and has been in wide use in population censuses (e. g. in the USSR). However, its theoretical analysis in ethnographical and, especially, in philosophical literature has been hampered by a lack of agreement as to terms and basic concepts. The author suggests that the term «ethnic self-consciousness» should be used in its narrow sense for designating the feeling of belonging to a given ethnos, while other related phenomena, such as orientation towards inter-ethnic contacts, should be relegated to the sphere of ethnic consciousness. The idea of common origin is noted as playing an important role in ethnic self-consciousness. A connection is shown between ethnic self-consciousness and language, area of habitation and certain other elements characterizing the ethnos; the evolution of this self-consciousness is traced (particularly for the period when a nation becomes formed). Considering the high importance and relative independence of the phenomenon of ethnic self-consciousness it should certainly be included among the basic characteristics of the ethnos.
